А. А. Керсновскій.

МІРОВАЯ ВОЙНА.

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ).

Къ 25 лѣтію объявленія войны
(1914—1939).

Изданіе „Царскаго Вѣстника“.

Бѣлградъ
1939.

А. А. Керсновскій.

МІРОВАЯ ВОЙНА.

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ).

Къ 25 лѣтію объявленія войны
(1914—1939).

Изданіе „Царскаго Вѣстника“.

Бѣлградъ
1939.

Типографія „Меркуръ“, Бѣлградъ. Топличинъ Венацъ, 10.

Міровая война.

(Краткій очеркъ).

Къ 1918 году Русская Армія должна была технически сравняться съ Германской. Британскій флотъ доженъ былъ стать вдвое сильнѣе Германскаго флота. А дни престарѣлаго Франца Іосифа въ 1914 г. были уже сочтены. Съ его кончиной Германія теряла своего союзника (отходъ Австро-Венгріи отъ союза съ Германіей и ея преобразованіе въ федеративное государство съ сильнымъ славянскимъ уклономъ былъ предрѣшенъ).

Германіи приходилось либо отказаться отъ мечты о міровомъ господствѣ, либо ковать желѣзо пока оно было горячо — иными словами, начать предупредительную войну.

Обманувъ заступившагося за Сербію великодушнаго Государя Николая Александровича (подложный номеръ „Локаль Анцейгера“, ставшій причиной нашей мобилизаціи) и оставивъ безъ отвѣта его предложеніе третейскаго суда, Вильгельмъ II превратилъ австро-сербскій конфликтъ въ европейскую войну. Двусмысленное поведеніе Англіи, дававшее поводъ до послѣдней минуты расчитывать на ея нейтралитетъ, въ значительной степени способствовало заносчивости кайзера.

* * *

Россія выставила по мобилизаціи 2.500.000 бойцовъ въ первой линіи, составившихъ 105 пѣхотныхъ д-ій, 18 стр. бригадъ и 36 конныхъ д-ій. Въ тылу оставались запасныя войска (208 б-новъ—полковъ) и 118 бригадъ Государственнаго Ополченія — около 2.000.000 чел. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ, не участвовавшій въ разработкѣ плана нашего стратегическаго развертыванія.

Поддавшись домогательству французскаго главнокомандовавшаго ген. Жоффра, Великій Князь къ двумъ, предусмотрѣннымъ уже операціоннымъ направленіемъ, добавилъ еще третье — „наступленіе кратчайшимъ путемъ на Берлинъ“ отъ Варшавы. Для этого тамъ была образована новая, 9-я армія, за счетъ 1-й и 4-й. Было ослаблено (на цѣлый к-съ) люблинское направленіе, на которое какъ разъ нацѣливались главныя силы Австро-Венгровъ. Эта французская затѣя едва не привела къ катастрофѣ всего фронта.

Арміи нашего С.-З. фронта, согласно данному союзникамъ обѣщанію, перешли границу Восточной Пруссіи на 14-й день мобилизаціи, еще совершенно неустроенныя.

Спѣшка эта, тактически гибельная, въ стратегическомъ отношеніи оказалась благодѣтельной. Лишь благодаря этой великодушной опрометчивости удалось получить во время оттяжку германскихъ силъ съ Запада, достигнутую побѣдой 1-й арміи ген. Ренненкамфпа при Гумбинненѣ. Этимъ была спасена Франція и были спасены мы сами отъ разгрома побѣдоносными германскими арміями, которыя освободились бы послѣ крушенія французскаго фронта. Стратегическій успѣхъ С.-З. фронта былъ купленъ дорогой цѣной разгрома 2-й арміи, плачевно предводимой ген. Самсоновымъ, съ совершенно невозможными корпусными командирами, никуда негоднымъ армейскимъ штабомъ и невтянутыми (а то и недостаточно подтянутыми) войсками. Прискорбное это событіе — „сраженіе при Танненбергѣ“ — искусно раздутое нашими врагами (и втайнѣ недоброжелательствовавшими нейтральными странами, да и союзниками) чрезвычайно повредило славѣ русскаго имени во всемъ мірѣ. Продолжаетъ вредить и по сію пору.

Тѣмъ временемъ, на Юго-Западномъ фронтѣ разыгралось рѣшительное сраженіе нашихъ армій съ австро-венгерскими. На югѣ — на путяхъ ко Львову — нами былъ одержанъ рядъ крупныхъ побѣдъ, но на сѣверѣ — на путяхъ къ Люблину — лишь съ трудомъ удалось избѣжать крушенія. Ставка еле успѣла выправить свою оплошность, бросивъ собранныя у Варшавы войска подъ Люблинъ. Геройскими ихъ усиліями и цѣной жестокихъ потерь удалось добиться выигрыша „Галиційской битвы“. Но это не было рѣшительнымъ разгромомъ Австро-Венгріи (на что мы имѣли всѣ данныя расчитывать), а всего лишь „заурядной побѣдой“. Въ этомъ вина не только Ставки, но и командовавшаго 3-й арміей ген. Рузскаго, упустившаго случай разгрома Австро-Венгерскихъ армій ударомъ имъ во флангъ и въ тылъ и ломившаго — въ чаяніи дешевыхъ лавровъ — на неимѣвшій никакого значенія Львовъ.

* * *

Увлекшись планами осады Перемышля, нашъ Юго-Западный фронтъ не преслѣдовалъ порядкомъ потрепаннаго непріятеля — и далъ возможность Австро-Венграмъ безпрепятственно отойти, привести себя въ порядокъ и собраться съ силами.

На помощь имъ поспѣшили Нѣмцы. Ихъ IX-я армія Гинденбурга, высадившись въ Силезіи, бросилась лѣвымъ берегомъ Вислы, расчитывая взять во флангъ наши арміи Ю.-З. фронта. Но ген. Ивановъ уже произвелъ перегруппировку, Германцы Гинденбурга и Австрійцы Данкля наскочили

подъ Ивангородомъ на нашу 4-ю армію ген. Эверта и 9-ю ген. Лечицкаго и потерпѣли пораженіе.

Отраженный отъ Ивангорода, Гинденбургъ, все еще не желая признать себя побѣжденнымъ, подался на Варшаву. Но здѣсь его ждали Сибиряки — прямо съ поѣздовъ бросившіеся въ бой — и танненбергскій побѣдитель, потерпѣвъ и здѣсь неудачу, спѣшно отступилъ въ Силезію.

Тогда Ставка рѣшила взять иниціативу въ свои руки и возобновить „наступленіе въ сердце Германіи“ — отъ Варшавы на Берлинъ. Нелѣпая эта затѣя — внѣ времени и внѣ пространства — была оборвана ударомъ IX-й Германской арміи (неожиданно для нашихъ стратеговъ оказавшейся не въ Силезіи, а у Торна) — во флангъ и въ тылъ нашему расположенію.

Стойкость войскъ и энергія командовавшаго 5-й арміей ген. Плеве предотвратили катастрофу и нѣмцы изъ обходящихъ сами оказались обойденными. Однако, ошибочныя распоряженія главнокомандовавшаго С.-З. фронтомъ ген. Рузскаго дали возможность окруженнымъ было врагамъ вырваться изъ мѣшка.

Непріятель снова перебросилъ на нашъ фронтъ изъ Франціи крупныя силы.

* * *

Тѣмъ временемъ произошли два событія капитальнаго значенія для россійкой великодержавности.

Въ сентябрѣ Россія подписала такъ наз. Лондонскій протоколъ — по которому державы Согласія обязались другъ передъ другомъ не заключать сепаратнаго мира. Этимъ совершена была самая крупная дипломатическая ошибка за всю войну. Мы лишили себя великолѣпнаго орудія дипломатическаго воздѣйствія, выдали себя головой союзникамъ.

Требуя все новыхъ и новыхъ гекатомбъ русскаго пушечнаго мяса, союзники все время угрожали лишить насъ подвоза снаряженія, если мы не выполнимъ тотчасъ же ихъ требованій. Намъ они сплавляли забракованныя у себя партіи оружія (особенно авіаціоннаго матеріала: наши летчики съ горькой усмѣшкой называли присылаемые союзниками самолеты не аппараты, а „препараты“). За всю эту заваль они снимали съ насъ послѣднюю рубашку, два раза обогащаясь на каждой каплѣ пролитой русской крови.

Россія добровольно низвела себя Лондонскимъ протоколомъ на степень державы второго сорта. На конференціяхъ мы были только „союзниками съ правомъ совѣщательнаго голоса“. Удѣльный вѣсъ Италіи былъ тамъ гораздо бо́льшимъ.

Одинъ единственный разъ за всю войну Россія вспомнила свою великодержавность и вытекающія изъ нея права. Сербская армія, брошенная союзниками на произволъ судьбы, погибала въ Албаніи. Французы отказались перевезти ее на

Корфу. Сынъ Александра III вспомнилъ отцовскій языкъ для Европы и сказалъ черезъ головы оробѣвшихъ своихъ дипломатовъ, что, если Сербовъ немедленно же не спасутъ, то Онъ, Императоръ Всероссійскій, выведетъ свою страну изъ войны... Пароходы у союзниковъ немедленно же нашлись. Нашлись бы у нихъ и снаряды, и самолеты (и все — хорошаго качества), разговаривая съ ними Россія своимъ природнымъ царственнымъ языкомъ — единственномъ на которомъ мы должны разговаривать съ Европой...

Второе событіе случилось въ октябрѣ. Турція объявила намъ войну.

Событіе исключительной важности, цѣликомъ измѣнявшее іерархію цѣнностей войны.

До сихъ поръ война имѣла государственный смыслъ лишь для Германіи („предупредительная война", вызванная до того какъ Россія окрѣпла бы). Россія, вовлеченная въ войну высоко моральными побужденіями защиты меньшого брата — Серба, лишь отбивалась.

Съ нападеніемъ на насъ Турціи, война пріобрѣла для насъ великодержавный смыслъ. Соображенія духовнаго порядка — крестъ на Святой Софіи. Соображенія политическія— проливы. Соображенія экономическія — тѣ же проливы, безъ которыхъ Россія осенью 1914 года уже начала задыхаться. Эти троякія соображенія придали войнѣ съ Турціей активно-великодержавный (и творческо-великодержавный) характеръ, котораго была лишена оборонительная война противъ Германіи и Австро-Венгріи.

Эта истина оказалась скрытой отъ слѣпорожденныхъ руководителей россійской государственности временъ ея упадка. Турцію они считали только второстепеннымъ врагомъ, навязавшимъ намъ второстепенный театръ военныхъ дѣйствій.

Ключи отъ Босфора полагали въ Берлинѣ... Сейчасъ мы видимъ, что ключи отъ Берлина находились на Босфорѣ. Овладѣй мы Константинополемъ весною 1915 года, всѣ успѣхи Австро-Германцевъ были бы сведены на нѣтъ. Революція не произошла бы: „климатъ" въ странѣ сталъ бы совсѣмъ не тотъ. Да и война не затянулась бы до 1917 года.

Турецкій фронтъ становился для Россіи главнымъ. Только тамъ мы могли рѣшать великодержавную задачу. Австро-Германскій фронтъ ставился второстепеннымъ. Тамъ главное было — „продержаться".

Ничего этого не замѣтили — болѣе того, не хотѣли замѣтить.

Это видѣлъ лишь Императоръ Николай Александровичъ. У Него одного умъ сочетался съ духовностью — необходимое условіе для управленія великой страной вообще, — и Россіей въ частности.

Но Русскій Царь уже не былъ хозяиномъ въ своей странѣ — не былъ хозяиномъ своей вооруженной силы. Дваж-

ды Онъ повелѣвалъ овладѣть Константинополемъ — и дважды это повелѣніе не было исполнено Его военачальниками (Великимъ Княземъ въ маѣ и ген. Щербачевымъ въ ноябрѣ 1915 г.). А когда Государь назначилъ въ третій разъ овладѣть Царьградомъ въ апрѣлѣ 1917 года — всѣ сроки оказались безвозратно пропущенными.

Вотъ основной стержень русской драмы въ Міровую войну.

* * *

Въ январѣ 1915 года Фалькенгайнъ и Конрадъ рѣшили нанести Россіи смертельный ударъ въ оба фланга — въ Литвѣ и Карпатахъ.

Беззавѣтная доблесть русскихъ войскъ разбила въ прахъ этотъ планъ.

Австро-Германское наступленіе было сломлено въ Карпатахъ 8-й арміей ген. Брусилова. На противоположномъ флангѣ — въ Августовскихъ лѣсахъ — нѣмцы имѣли тактическій успѣхъ противъ 10-й арміи незадачливаго Сиверса. Однако крѣпкимъ ударомъ новообразованной 12-й арміи ген. Плеве на Ломженскомъ фронтѣ — въ Праснышскомъ сраженіи — этотъ первоначальный успѣхъ нѣмцевъ смѣнился пораженіемъ. Французы именуютъ Праснышъ „Русской Марной“.

Выигрышемъ колоссальнаго зимняго сраженія отъ Праснышa до Мезо Лаборча и Ужка наши успѣхи прекратились надолго. Отмѣтимъ занятіе Перемышля, послѣдовавшее нѣсколько позднѣе и не имѣвшее стратегическаго значенія. По ликованію, охватившему всю Россію при этой вѣсти, можно составить себѣ приблизительное понятіе о томъ великомъ духовномъ подъемѣ, что охватилъ бы страну при извѣстіи о покореніи Константинополя...

Подошли критическіе мѣсяцы войны, когда наша Артиллерія, растрѣлявъ свои запасы, перешла на пораженіе „четыре выстрѣла на пушку въ день“. Мѣстные парки могли быть поданы на фронтъ не раньше середины лѣта. Промышленность не могла закончить своей „мобилизаціи“ раньше начала осени.

Въ то же время непріятель, стабилизировавъ свой фронтъ на Западѣ, перебросилъ оттуда крупныя массы войскъ и, перейдя на трехполковыя дивизіи, получилъ достаточныя силы для рѣшительнаго удара на Востокѣ. Нашъ снарядный голодъ, отнюдь не бывшій тайной для противника, открывалъ ему широкія перспективы разгрома Россіи съ минимальными потерями.

Наша Ставка ничего не видѣла и ничего не предвидѣла.

Нельзя было продолжать вести широкія операціи безоружными арміями. Нельзя было занимать этими безоружными арміями огромный и чрезвычайно невыгодно начертанный фронтъ.

Обстановка требовала отъ Ставки *сберечь и сохранить русскую вооруженную силу, временно поставленную въ чрезвычайно невыгодныя условія.*

Для этого надо было заблаговременно отойти по всему фронту, давая отступательные бои тамъ, гдѣ мы хотимъ, а не тамъ, гдѣ намъ это навяжетъ противникъ. Жертвуя землей, сберечь кровь. Уступивъ временно пространство, сохранить вооруженную силу (которая потомъ это пространство вернула бы съ лихвой).

Въ положеніи Барклая надо было принять рѣшеніе Барклая.

Ставка не оказалась способной на это рѣшеніе. Она предписала арміямъ стоять на мѣстѣ („ни шагу назадъ!") — и этимъ подписала имъ смертный приговоръ. Болѣе того — отмѣнила готовившійся дессантъ на Константинополь (что должно было спасти Россію отъ удушенія) и направила эти войска въ южную Галицію, промѣнявъ Царьградъ на Дрыщовъ.

* * *

Разгромъ не заставилъ себя ждать. Въ концѣ апрѣля Макензенъ истребилъ геройски бившіеся полки 3-й арміи ген. Радко-Дмитріева въ побоищѣ отъ Горлицы до Сана — гдѣ каждый русскій полкъ принялъ грудью ударъ свѣжей дивизіи. Въ маѣ—іюнѣ, съ огромными потерями, была оставлена Галиція.

Врагъ положилъ вывести Россію изъ строя. Двойнымъ ударомъ: Макензена съ юга на сѣверъ — на Люблинъ — и Галльвица съ сѣвера на югъ — на Пултускъ — норовилъ онъ взять въ клещи наши арміи С.-З. фронта на Вислѣ и, сомкнувъ эти клещи у нихъ въ тылу — гдѣ-нибудь у Сѣдлеца — принудить ихъ къ сдачѣ.

Клещи были изъ крупповской стали высшаго качества. Но еще выше качествомъ были тѣ русскія кости, о которыя эти клещи сломались!

Іюльское побоище пятнадцатаго года затмило собой все остальное, до сихъ поръ видѣнное. Въ „лѣтнемъ Прасныш-скомъ сраженіи" наша 1-я армія ген. Литвинова отразила Галльвица (въ условіяхъ совершенно неслыханныхъ: одного противъ пяти). А въ Люблинской и Холмской битвахъ (Красноставъ, Реіовецъ, Лысая Гора, Верещинъ) наши 3-я армія ген. Леша и 13-я ген. Горбатовскаго спружинили ударъ Макензена и измотали его арміи. Воспользовавшихъ этимъ, ген. Алексѣевъ (главнокомандовавшій С.-З. фронтомъ) смогъ вывести изъ намѣчавшагося мѣшка стоявшіе на Вислѣ 2-ю и 4-ю арміи, зачѣмъ-то устроивъ повтореніе Портъ-Артура въ потерявшемъ всякое значеніе Новогеоргіевскѣ (заперъ тамъ 100 тысячъ „ртовъ").

Въ этихъ бояхъ наши войска воздвигли памятникъ своей неслыханной долести. Но лучше бы этого памятника не было: онъ былъ сложенъ изъ черепозъ.

Обезкровленныя и надорванныя арміи отступили въ Литву и Полѣсье. „Ни шагу назадъ“ Ставки смѣнилось полной растерянностью.

Тогда Государь рѣшился на жертву. Онъ смѣстилъ Великаго Князя и Самъ сталъ во главѣ вооруженныхъ силъ — Другого выхода не было. Начальникомъ штаба Царя сталъ ген. Алексѣевъ. Мѣстопребываніемъ Царской Ставки — изъ соображеній узко-техническаго свойства — былъ избранъ отрѣзанный отъ страны захолустный Могилевъ. Роковая ошибка: Царь долженъ былъ оставаться въ столицѣ, откуда имѣлъ бы полную возможность руководить Дѣйствовавшей Арміей.

Надломившій свои силы противникъ сдѣлалъ послѣднюю попытку захлестнуть хоть часть нашихъ армій. Но и это усиліе (Вильно—Свѣнцяны) ему не удалось.

Не пожелавъ отступить во время на двѣсти верстъ безъ потерь, нашъ первый Верховный былъ вынужденъ отступить на шестьсотъ верстъ съ урономъ трехъ милліоновъ человѣкъ, полнымъ разгромомъ вооруженной силы и потерей стратегической ж. д. сѣти, всѣ узлы которой оказались въ августѣ въ рукахъ врага.

* * *

Катастрофическая — по винѣ первой Ставки — кампанія 1915 года повлекла за собой ростъ оппозиціоннаго движенія въ странѣ. И это оппозиціонное движеніе становилось революціоннымъ.

Радикальная общественность пользовалась затруднительнымъ положеніемъ страны для того, чтобы дорваться къ страстно ею чаемой власти. Попутно, она не пренебрегала и наживой.

Военно-Промышленный Комитетъ Гучкова сталъ поставлять снаряды Дѣйствовавшей Арміи по цѣнѣ 32 рубля за трехдюймовую шрапнель, кое какъ сдѣланную, съ дистанціонной трубкой кустарнаго производства. Та же шрапнель, но тщательнаго изготовленія казенныхъ заводовъ, обходилась въ 9 рублей. Разница шла въ карманы военно-промышленниковъ и „земгусаръ“.

Гофмейстеръ Родзянко, предсѣдатель Государственной Думы, занялся поставкой березовыхъ ружейныхъ ложъ — и тоже себѣ не въ убытокъ (знаменитое бѣляевское „Михаилу Владиміровичу еще накиньте по рублику съ ложи“).

Поставляя въ Армію лишь 12 процентовъ общаго количества снабженія (12 проц. шло изъ заграницы, а 76 проц., единственно доброкачественные, шли отъ казны) — военно-промышленники и радикальная общественность беззастѣнчивой

и лживой саморекламой убѣдили страну и армію, что только они и работаютъ на оборону. Вся печать и всѣ трибуны были въ ихъ рукахъ.

Эти люди проповѣдывали „войну до побѣднаго конца въ единеніи съ союзниками“, на всю страну и на весь міръ кричали о „неспособности царскаго правительства“, о „слабости царя“ и „царицѣ-нѣмкѣ“. Всюду выставляли два ходкихъ „жупела“ — Сухомлинова и Распутина — и обработали на славу общественное мнѣніе — многоголовое и безголовое человѣческое стадо — начиная съ военачальниковъ, генералъ-адъютантовъ Императора Всероссійскаго.

* * *

Слабой числомъ, но могучей духомъ Кавказской Арміи выпало свершить великія дѣла. Она рѣшала великодержавную задачу Россіи.

За первыми боями послѣдовало вторженіе турокъ въ въ Закавказье. Со времени Прутскаго похода россійскіе войска не находились въ болѣе трагическомъ положеніи и никакая иная армія въ мірѣ не выходила изъ такого положенія съ большей честью. Отраженная Берхманомъ отъ Караургана, армія Энвера была сокрушена и уничтожена Юденичемъ у Сарыкамыша. Мечтамъ о созданіи „пан-туранскаго царства“ отъ Адріанополя до Казани и Самараканда наступилъ конецъ.

Лѣтомъ 1915 г. Юденичъ разбилъ пытавшихся наступать турокъ на Евфратѣ.

Осенью турки разгромили англо-французовъ въ Дарданелахъ. Зная, что непріятель долженъ усилиться, а ему подкрѣпленія не дадутъ, Юденичъ рѣшилъ не дожидаться удара, а бить самому. Въ разгаръ ледяной кавказской зимы онъ перешелъ во внезапное наступленіе, разгромилъ Турецкую армію при Азапъ Кеѣ, а затѣмъ — на свой рискъ и страхъ (Намѣстникъ Вел. Князь Николай Николаевичъ на это не давалъ согласіе) безпримѣрнымъ въ Исторіи штурмомъ взялъ Эрзерумъ.

Въ маѣ—іюнѣ 1916 года Кавказская армія отразила яростныя турецкія наступленія (Офъ, Мамахатунъ). Въ іюлѣ разгромила 3-ю Турецкую при Эрзинджанѣ, а въ августѣ — въ Евфратской долинѣ — сокрушила и 2-ю армію Дарданельскихъ побѣдителей.

Къ концу 1916 года она выполнила все, что отъ нея потребовала Россія въ эту войну. Дѣло было за Царьградскимъ десантомъ. Живая сила Турецкой арміи была уже сокрушена.

* * *

За лѣто и осень 1915 года было сформировано изъ Государственнаго Ополченія и пограничныхъ частей 32 д-іи.

Стрѣлковыя бригады развернуты въ дивизіи. Зимой 1915—16 годовъ дополнительно сформировано еще 4 д-іи и 4 отд. бр-ды пѣхоты и 9 д-ій конницы. Армія къ веснѣ 1916 г. состояла изъ 148 пѣх. д-ій (за вычетомъ 4 погибшихъ и 3 расформированныхъ), 4 отдѣльныхъ б-дъ, 45 конныхъ д-ій и 55 бр-дъ Государственнаго Ополченія.

Сербская катастрофа побудила Государя сосредоточить въ районѣ Одессы 7-ю армію ген. Щербачева. Однако Румынія отказалась ее пропустить. Государь желалъ направить эту армію на Константинополь, но Щербачевъ (при всѣхъ своихъ достоинствахъ военачальника не бывшій полководцемъ) не вѣрилъ въ успѣхъ этой операціи и ее пришлось отставить. Петля на шеѣ Россіи затянулась еще туже.

Союзники постановили на будущій, 1916 г., ударить всѣмъ одновременно по Германіи 1 іюля н. ст. Ген. Жоффръ настоялъ на производствѣ нами главнаго удара къ сѣверу отъ Припяти. Французскій главнокомандовавшій, уже скомкавшій намъ разъ планъ стратегическаго развертыванья неумѣстнымъ совѣтомъ наступленіемъ отъ Варшавы „по кратчайшему направленію“ на Берлинъ, сейчасъ вторично вмѣшивался не въ свое дѣло (какъ бы онъ самъ одернулъ Алексѣева, если бы тотъ вздумалъ ему совѣтовать наступать не на Соммѣ, а, напримѣръ, въ Шампани!).

Вмѣсто спокойной и внушительной отповѣди, Алексѣевъ поспѣшилъ принять указку, преподанную изъ Шантильи.

Мы не сумѣли себя поставить на подобающее намъ мѣсто и наши союзники перестали съ нами считаться, какъ съ великой державой.

* * *

Планъ союзниковъ былъ нелѣпъ, ибо предполагалъ, что нѣмцы 8 мѣсяцевъ будутъ сидѣть сложа руки и ждать, чтобы ихъ 1 іюля со всѣхъ сторонъ ударили.

Нѣмцы разбили эту, достойную Вейротера, схаластику своимъ февральскимъ ударомъ на Верденъ.

Франціи понадобилась помощь — и эту помощь ей дали русскіе. „Нарочское наступленіе“ марта 1916 г. обошлось намъ въ 200 тысячъ человѣкъ, обезкровило войска и своей неудачей угасило духъ военачальниковъ. Несмотря на выяснившуюся невозможность забиванія лбомъ гвоздя въ стѣнку и наступленія на самый сильный участокъ непріятельскаго фронта между Двиной и Припятью, наша Ставка, загипнотизированная французскимъ менторомъ, продолжала громоздить всѣ силы и средства къ сѣверу отъ Припяти. Юго-Западный фронтъ ген. Брусилова былъ оставленъ безъ резервовъ.

Въ маѣ Австро-Венгры нанесли пораженіе итальянцамъ въ Тиролѣ. Очередной союзный вопль о помощи. И снова Русскіе кидаются въ огонь.

Юго-Западному фронту велѣно было наступать. Зная, что главный ударъ предполагается нанести западными арміями, ген. Брусиловъ не задался цѣлью самостоятельной операціи стратегическаго характера, для которой ему не было къ тому же отпущено средствъ. Помня, что его задача — производство демонстраціи, онъ не счелъ необходимымъ связать воедино блестящія побѣды своихъ четырехъ армій — 8-й Каледина подъ Луцкомъ, 11-й Сахарова у Сопанова, 7-й Щербачева подъ Язловцомъ и 9-й Лечицкаго у Доброноуцъ — и обратилъ все вниманіе на Ковельское направленіе, само по себѣ не выигрышное (какимъ, напримѣръ, было направленіе на Раву Русскую — во флангъ и въ тылъ Львовской группѣ), но смежное съ предположеннымъ главнымъ ударомъ западныхъ армій ген. Эверта. Это, конечно, было ошибкой: настоящій полководецъ обязанъ и въ маломъ дѣлать великое. Но обвинять ген. Брусилова въ чрезмѣрной дисциплинированности его стратегической мысли не приходится. Это — рѣдчайшее качество.

Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія и могъ бы привести въ выводу изъ строя Австро-Венгріи и побѣдному завершенію войны — догадайся Ставка снабдить Брусилова съ самаго начала достаточными средствами. Однако, повинуясь французской указкѣ, она держала всѣ силы и средства въ болотахъ къ сѣверу отъ Припяти. „Брусиловское наступленіе“, во время не поддержанное и не развитое, захлебнулось.

Злополучному Алексѣеву понадобилось сорокъ дней колебаній и нерѣшительныхъ проволочекъ — переговоровъ, уговоровъ и разговоровъ — чтобъ передать Брусилову веденіе главной операціи. Однако время было упущено безвозвратно. На помощь австро-венграмъ подошли нѣмцы.

Шесть Ковельскихъ сраженій іюля—октября историкъ иначе, какъ стратегическимъ преступленіемъ назвать не можетъ. Здѣсь была загублена мощь Императорской Арміи, съ такимъ трудомъ возстановленная послѣ потрясеній пятнадцатаго года. Злополучный ковельскій фетишъ самъ по себѣ не имѣлъ никакой цѣнности. Разъ было рѣшено отказаться отъ наступленія къ сѣверу отъ Припяти, ковельское направленіе теряло всякое стратегическое значеніе.

Всецѣло во власти „ковельскаго миража“, ген. Алексѣевъ не использовалъ исключительно выгодной стратегической обстановки, созданной выступленіемъ Румыніи. Исподволь подготовленнымъ и быстро проведеннымъ наступленіемъ черезъ Молдавію во флангъ и въ тылъ австро-германскому расположенію, мы заставили бы рухнуть весь непріятельскій фронтъ до Припяти.

Не пожелавъ воспользоваться выгодами Румынскаго фронта, Алексѣевъ взвалилъ на плечи Русской арміи всѣ его

невыгоды по разгрому Румыніи поздней осенью, когда намъ пришлось принять на себя остатки Румынскихъ армій и удлинить фронтъ съ 1.200 верстъ на 1.900.

Это удлиненіе фронта побудило нашу ставку (гдѣ заболѣвшаго Алексѣева замѣнилъ ген. Гурко) увеличить соотвѣтственно на одну треть нашу вооруженную силу путемъ формированія при каждомъ корпусѣ одной дивизіи средствами самихъ же войскъ — съ бору по сосенкѣ и безъ артиллеріи. Такъ было образовано 78 пѣх. д-ій, 4 отд. пѣх. бригады и 7 конныхъ д-й, что, вмѣстѣ съ двумя морскими дивизіями, дало въ февралѣ 1917 г. 228 пѣх. д ій, 8 отд. бригадъ и 52 конныя д-іи, не считая національныхъ формированій (Югославянская д-ія, 3 латышскихъ стр. бр-ды, формирующіяся 3 польскихъ и 3 чехословацкихъ д-іи и т. д.)

Планъ кампаніи на 1917 г. предусматривалъ наступленіе на Ю-З и Румынскомъ фронтахъ и дессантную операцію по овладѣнію Царьградомъ. Великія дѣла, до которыхъ великая страна, терпѣвшая тридцать мѣсяцевъ, не дотерпѣла только двухъ...

* * *

Германскій планъ войны на 1917 г. предусматривалъ выводъ изъ строя Англіи безпощадной подводной войной, подрывъ Франціи устройствомъ бунта части Французской арміи (что произошло въ маѣ—іюнѣ) и, наконецъ, организацію рабочихъ безпорядковъ въ столицѣ Россіи.

Войдя въ сношенія съ партіей большевиковъ, Германская Главная Квартира распорядилась, чтобы ЦИК партіи (Молотовъ, Шляпниковъ, Залуцкій) устроилъ выступленіе 23 февраля — въ „международный день работницы".

Выступленіе это состоялось въ назначенный день и въ послѣдовавшіе дни, благодаря растерянности и волевому параличу властей, разрослось въ серьезные безпорядки.

Думская радикальная общественность была захвачена этими безпорядками врасплохъ (тамъ готовили дворцовый переворотъ весной — не безъ участія британскаго посольства). Однако, она быстро оцѣнила положеніе и рѣшила, спекулируя на несчастьи своей Родины, использовать „великія потрясенія" въ своихъ цѣляхъ и цѣною ихъ дорваться къ власти.

Родзянко и его единомышленники обратили этотъ мятежъ въ революцію и устранили ненавистный имъ „царскій режимъ".

Съ помощью обманутыхъ ими недалекихъ военачальниковъ они вынудили у пойманнаго ими въ ловушку Государя манифестъ объ отреченіи...

Слѣдуетъ ли разсказывать, что затѣмъ произошло? Упомянемъ лишь про обстоятельства, мало извѣстныя и мало оцѣненныя.

Въ мартѣ 1917 г. австрійскій кайзеръ Карлъ, имѣвшій черезъ жену — Бурбонскую принцессу Зиту — большія связи въ Англіи, Бельгіи и Франціи, вступилъ съ державами Согласія въ переговоры о сепаратномъ мирѣ.

Масонъ Рибо и проходимецъ Ллойдъ-Джорджъ вели эти переговоры въ строгой тайнѣ отъ Россіи — за спиной русскаго союзника и, въ концѣ концовъ, по настоянію темныхъ силъ, ими представленныхъ, прервали ихъ. Этимъ „Брестъ-Литовскомъ подъ сурдинку" они затянули войну на полтора года.

Русская Армія, подколатая сзади отравленнымъ кинжаломъ и обезглавленная, вела войну еще 8 мѣсяцевъ въ условіяхъ, въ которыхъ армія германская — въ ноябрѣ 1918 года — смогла воевать лишь три дня. Спасая всѣхъ своихъ союзниковъ, преданная и проданная, она изъ призванныхъ въ ея ряды 15.500.000 человѣкъ лишилась 2.400.000 убитыми и умершими отъ ранъ, 7.000.000 ранеными и 2.400.000 плѣнными (большей частью попавшими въ руки непріятеля ранеными). Нами было взято въ плѣнъ 2.200.000 Германцевъ, Австро-Венгровъ и Турокъ съ 3.850 орудій — въ шесть разъ больше, чѣмъ всѣми остальными арміями Согласія, вмѣстѣ взятыми, за то же время.

Будемъ это помнить.

* * *

Переходя къ войнѣ на морѣ, попробуемъ охарактеризовать роль Русскаго флота одной фразой.

Вотъ она: *Русскій флотъ былъ мозгомъ всѣхъ союзныхъ флотовъ*. Единственный, имѣвшій свѣжій боевой опытъ, онъ располагалъ исключительной цѣнности кадрами спеціалистовъ во всѣхъ отрасляхъ. Эти спеціалисты учили союзниковъ постановкѣ минныхъ загражденій, ихъ траленію, связи, развѣдкѣ, радіопеленгаціи. Располагая впродолженіе всей войны секретнымъ „кодомъ" германскаго флота, мы всю войну освѣдомляли нашихъ союзниковъ о малѣйшихъ намѣреніяхъ непріятеля.

Блестящія возможности возрожденнаго послѣ дальневосточной катастрофы флота не были, однако, использованы въ полномъ объемѣ.

Судовой составъ до конца войны не отвѣчалъ тактическимъ заданіямъ. Балтійскій флотъ, имѣвшій основной задачей оборону побережья, не располагалъ ни однимъ кораблемъ береговой обороны. Черноморскій, главной задачей котораго было непрестанное и интенсивное крейсерство (перерывъ

морскихъ сообщеній непріятеля), можно сказать, не имѣлъ въ своемъ составѣ крейсеровъ.

А главное — система управленія морскими силами съ берега — и береговыми людьми — была глубоко порочной. Третій разъ за 60 лѣтъ (Севастополь, Портъ-Артуръ) это привело къ полной разрухѣ.

Располагая немногочисленными, но превосходными кораблями новѣйшей постройки, зная всегда заранѣе силы и намѣренія противника, нашъ Балтійскій флотъ могъ и долженъ былъ прославить Андреевскій флагъ блестящими дѣлами. Все разбивалось о трусливую бюрократію ставки. Страшась потерять „дорого стоющіе“ корабли, Ставка добилась того, что потеряла весь флотъ, угасивъ духъ его командъ и создавъ на немъ почву, слишкомъ благопріятствовавшую революціонному броженію.

* * *

Вотъ главные выводы этой небывалой по размѣрамъ и послѣдствіямъ войны:

1. Русскую кровь — только за русскіе интересы.

2. Не связывать себя никакими письменными обязательствами съ державами, въ данную минуту находящимися на нашей сторонѣ. Имѣть все время свободныя руки. Вести войну, пока это отвѣчаетъ нашимъ интересамъ, немедленно выйти изъ войны, коль скоро нами начинаютъ злоупотреблять и на русскую кровь смотрѣть, какъ на удобреніе. Все время пользоваться этимъ несравненнымъ орудіемъ дипломатическаго давленія. То, что въ частной жизни справедливо клеймится, какъ шантажъ и вымогательство — въ дипломатіи именуется искусствомъ.

3. Между Верховнымъ и ввѣренными ему арміями не должно быть парализующаго средостѣнія, „фронтовъ“. Одинъ мозгъ — одна воля.

4. Бить всегда въ слабое мѣсто противника, а не въ сильное: помнитъ безчисленныя могилы Нарочи и Ковеля!

5. Не командовать флотомъ съ берега.

6. Помнить о существованіи внутренняго врага. Сегодня — съ царскими портретами, завтра — съ красными флагами.

7. Война — слишкомъ серьезное и слишкомъ отвѣтственное дѣло, чтобы хоть одну ея отрасль, даже побочную, поручать диллетантамъ. Только правительство, только правительственные органы. Никакихъ общественныхъ организацій, даже благотворительныхъ — ни на фронтѣ, ни въ прифронтовой полосѣ, ни въ тылу. Всѣ выборныя учрежденія — народное представительство и мѣстныя самоуправленія (зем-

ства) должны прекратить всякую дѣятельность съ перваго дня мобилизаціи по день ратификаціи правительствомъ мирнаго договора.

8. Умъ безъ воли — тлѣнъ и гибель. Нерѣшительность и колебанія — залогъ пораженія. Первое дѣло — характеръ, а знаніе — лишь второе дѣло. Волевой неучъ научится побѣждать. Старый данцигскій гусаръ — герой Горлицы и Бухареста — началъ съ Гумбиненскаго разгрома. Изъ этихъ людей выходитъ толкъ. А ученая тряпка — всю жизнь останется тряпкой. При пораженіи падетъ духомъ (Самсоновъ, Клюевъ), а побѣду упуститъ и не используетъ (Алексѣевъ). И чѣмъ ученѣе — стало быть, съ мирнаго времени авторитетнѣе — тѣмъ хуже.

Таковы эти выводы, великой кровью начертанные, великими страданьями осмысленные.